

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПХЕНЬЯН!

Ким Чен Ын и новая жизнь самой закрытой страны мира

Трэвис Джеппсен

Публицистический роман

Трэвис Джеппсен

**Добро пожаловать в Пхеньян!
Ким Чен Ын и новая жизнь
самой закрытой страны мира**

«Питер»

2018

УДК 82-311.6
ББК 84(7Сое)6-49

Джеппсен Т.

Добро пожаловать в Пхеньян! Ким Чен Ын и новая жизнь самой закрытой страны мира / Т. Джеппсен — «Питер», 2018 — (Публицистический роман)

ISBN 978-5-4461-1089-6

Писателю Трэвису Джеппсену необычайно повезло: он стал первым американцем в истории КНДР, которому разрешили обучаться в Пхеньянском университете. В течение нескольких лет и пяти поездок в Северную Корею он наблюдал за тем, как стремительно меняется жизнь самой закрытой страны мира в эпоху молодого лидера – Ким Чен Ына. Оспаривая образ Пхеньяна как показной столицы, где все устроено для иностранцев, а также слухи о том, что северокорейцы – это роботы с промытыми мозгами, Джеппсен знакомит читателей с множеством реальных персонажей – от министров, занимающихся контрабандой западных продуктов, до молодых людей, влюбленных в американскую поп-культуру. Личные наблюдения, беседы с жителями КНДР и беженцами, изучение архивных материалов позволили Джеппсену выйти за рамки журналистских клише и показать Северную Корею во всем ее противоречии и сложности. «Добро пожаловать в Пхеньян» – необычная книга: это не политологический анализ, а документальный роман. Так о Северной Корее никто не писал.

УДК 82-311.6
ББК 84(7Сое)6-49

ISBN 978-5-4461-1089-6

© Джеппсен Т., 2018

© Питер, 2018

Содержание

Благодарности	7
Предисловие автора	9
Пролог	11
Часть первая	16
Первая глава	16
Вторая глава	22
Третья глава	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Джеппсен Трэвис
Добро пожаловать в Пхеньян!
Ким Чен Ын и новая жизнь
самой закрытой страны мира

Права на издание получены по соглашению с Hachette Books, New York, New York, USA. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Серия «Публицистический роман»

© 2018 by Travis Jeppesen

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2019

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «Публицистический роман», 2019

* * *

Благодарности

В самых первых путевых заметках, написанных по следам моих путешествий в КНДР, я сделал упор на зрительные впечатления от страны и на ее культуру. В данной книге эти материалы нашли свое дальнейшее развитие. Мне хотелось бы выразить свою признательность Дэвиду Веласко (David Velasco) из журнала «Artforum» и Линдси Поллок (Lindsay Pollock), Ричарду Вайну (Richard Vine) и Кэти Лебовиц (Cathy Lebowitz) из журнала «Art in America» за публикацию и редактирование этих моих ранних материалов.

После моей учебной поездки в Пхеньян в 2016 году некоммерческая организация «Spring Workshop» предоставила мне в Гонконге просто-таки роскошное место, чтобы в течение нескольких месяцев я мог привести в порядок сотни страниц дневников и заметок, написанных мной в поездках. Это действительно было исключительно важно, для того чтобы начать работу над книгой. Я в долгу перед Дефни Аяс (Defne Ayas), которая порекомендовала мне съемную квартиру на время работы, а также перед всеми сотрудниками «Spring Workshop», из которых мне особо хочется выделить Мими Браун (Mimi Brown) и Кристину Ли (Christina Li).

Из этого огромного мегаполиса я отправился через полмира в лесистые окрестности Вильнюса, где воспользовался гостеприимством центра искусств «Rupert». Во время пребывания в этом центре передо мной стояла двоякая цель: начать писать эту книгу и одновременно подготовиться к выставке. Это были воодушевляющие и очень продуктивные несколько недель самой благодарной на свете работы. Я признателен Юсти Йонутите (Juste Jonutyte) и всему персоналу центра «Rupert», благодаря которым всё это стало возможным.

В 2017 году я стал стипендиатом международной программы под эгидой Национального музея современного искусства в Сеуле, где и была написана большая часть черновика данной книги. Жизненный опыт, который я получил, работая в этом замечательном городе, обогатил и расширил мое понимание корейского народа – с исторической, культурной и лингвистической точек зрения. Я встречался со многими бывшими гражданами Северной Кореи, большинства имен которых я, к сожалению, не запомнил. После общения с ними мое представление о жизни, существующей на севере от 38-й параллели, неизбежно менялось, а все эти встречи, вместе взятые, заставили меня осознать, насколько жизнь «там» многогранна, как неправильно мы ее понимаем и сколь мало знаем о ней. Вклад этих людей в мой проект невозможно переоценить, и я должен особо поблагодарить Сын Му, Чан Чинсона, Ким Кёнмука, Ким Бомхи, Дирка Флейшманна, Бартомя Мари, Мису Син, Барбару Куэто, Эмили Байтс, Сон Кванчжу, Пак Хичжуна, Цой Сын, Ё Кёнхвана, Ючжин Квон, Эмму Коралл.

Затем я отправился в норвежский Берген и был тепло встречен сотрудниками художественного центра «Hordaland Kunstsenter», который предоставил мне место для жизни и работы над окончательной версией этой книги. Мои самые сердечные благодарности Скотту Эллиоту и Антее Байз за приглашение и поддержку.

Спасибо Алеку Сигли и агентству «Tongil Tours», благодаря которым и стала возможна моя учебная поездка. Я признателен также Саймону Кокреллу и компании «Koryo Tours», организовавшим мое первое путешествие в Северную Корею. Во время одной из поездок со мной была Пернилла Скар Нордбю – из основных положений ее магистерской диссертации по архитектуре Северной Кореи я почерпнул для себя очень многое. Большое спасибо Джону Монтейту, который был со мной в первой поездке. Особую благодарность хочу выразить Тому Мастерсу, который пробудил во мне интерес к Северной Корее, что и положило начало этому проекту.

Майек Коччия был не просто моим агентом. На нем я «обкатывал» все фрагменты этой книги, он был моим врачом и просто другом. Без сомнения, эта книга никогда не увидела бы свет, если бы он не был рядом со мной на каждом шаге этого проекта.

Моя признательность Полу Уитлэчу за его интерес к проекту и выказанный энтузиазм, за его редакторские находки, которые оказались жизненно важными для окончательной версии книги. Большое спасибо всей команде издательства «Hachette», особенно Лорен Хюммель, Каролине Курек, Джоанне Пинскер и Одетте Флеминг.

Отдельная благодарность моему большому другу и учителю Брюсу Бендерсону, который знал существенно больше меня о том, что, заблудившись, можно найти огромное богатство. Также спасибо Берти Маршаллу, приютившему меня в Лондоне, и моему уже ушедшему от нас другу Брайану Тенесси Клафлину, который вдохновлял и поддерживал меня. Он верил, что рано или поздно я напишу эту книгу. Спасибо моим друзьям в Берлине и вообще во всем мире, которые все прошедшие годы стойко выдерживали мою многочасовую болтовню о Северной Корее. Спасибо моим родителям – Деби и Джону Джеппесенам, моей бабушке – Элизабет Блэкбёрн, которые мужественно перенесли всё это. Спасибо Ван Пин-Сяну – там, где он, чувствуешь себя как дома.

Большое спасибо друзьям из Пхеньяна – всех их невозможно перечислить. Увидимся с вами как-нибудь еще!

Предисловие автора

Написание книги – это деятельность, которая поглощает вас полностью. Вы гонитесь за какими-то аморфными идеалами, которые часто не в состоянии внятно высказать, чтобы понять, где же правда. Именно поэтому вам необходимо это всё ЗАПИСАТЬ. А если речь идет о человеческих жизнях, то процесс написания книги таит в себе потенциальную опасность. Любой, кто решится ступить на территорию Северной Кореи, должен отчетливо это осознавать. Северная Корея ставит под вопрос базовые принципы реального мира. Это снова и снова напоминает мне о путях, которыми «правда» постоянно переопределяется окружающим ее контекстом.

Северная Корея ставит перед иностранными исследователями многочисленные проблемы. Когда я работал над данной книгой, одна проблема всегда была в центре моего внимания – безопасность, причем в меньшей степени моя собственная, а в большей – тех, с кем я пересекался на своем пути. Был необходим некий компромисс для защиты источников информации. Всё изложенное в этой книге – правда в той части, что касается происходившего со мной или с теми, кого я хорошо знаю. Многие другие упомянутые истории на самом деле являются результатом моей авторской «компиляции» событий из жизни двух или более реальных людей. Большинство имен было изменено. Например, товарищ Ким Намрён (Kim Nam Ryong) – это собирательный образ, созданный на основе биографий многих людей, с которыми я встречался, даже дружил или о которых я так или иначе узнавал. Некоторые из них являются жителями Пхеньяна, другие были ими в прошлом. «Корейская государственная туристическая компания», в которой работает этот собирательный персонаж, – вымышленная фирма, ее деятельность описана на основе знаний, почерпнутых мной из наблюдений за несколькими принадлежащими государству туристическими бюро.

Среди беженцев, с которыми я общался на Юге или в других странах, я пытался найти тех, кто намеренно избегал общения с прессой. Некоторые из них требовали плату за свои интервью – от общения с такими людьми я старательно уклонялся. Стремясь не подвергать общавшихся со мной опасности, но при этом не предлагая им денег, я пытался выработать такой сценарий разговоров с ними, при котором у них не было бы никаких внутренних мотивов давать мне какую-либо ложную информацию о том, что они пережили в прошлом и чего они ожидают от будущего.

В дополнение к этому «камуфляжу» я использовал и другие приемы из арсенала писателя-публициста для достижения краткости и ясности. В частности, я изменил временной порядок нескольких событий, слил воедино ряд интервью, чтобы изложение материала выглядело более логично. Моей целью было дать читателю не дневник с точным описанием происходивших со мной в Северной Корее событий, а скорее представление о том, что я чувствовал и переживал там во время нескольких своих поездок. Хотя события в книге разворачиваются в основном вокруг моей учебной программы 2016 года, иногда я дополнял повествование примерами из более ранних поездок, а также тем, что видел уже позднее – в 2017 году.

Мне также пришлось решать проблемы достоверности источников информации и возможности проверки фактов. Как подтвердит любой, кто занимался изучением Северной Кореи, стандартные журналистские и научные подходы к проведению исследований очень часто невозможно использовать в данном контексте. Приходится отделять факты от слухов и домыслов. (Ирония состоит в том, что это в действительности отражает реальность, в которой живет среднестатистический северокоореец, получающий «из уст в уста» наиболее ценную для себя информацию.) Это противоречие постоянно возникало в процессе моей работы над книгой. Поэтому я пришел к выводу, что наиболее честным будет каждый раз упоминать об этих философских

затруднениях по мере их появления. Несколько таких моментов переданы в книге в виде диалогов между мной и моими попутчиками.

Были и проблемы лингвистического характера. К вящему удивлению, существуют две системы транслитерации слов корейского языка при написании их латинскими буквами. Так называемая система Маккьюна – Райшауэра (Mc Cune – Reischauer romanization), которая считается устаревшей, до сих пор в ходу в Северной Корее. В Южной же Корее с 2000 года официально используется Новая система романизации (Revised Romanization system). Еще больше запутывает ситуацию и то, что большинство самых употребительных имен собственных подчиняются старой системе Маккьюна – Райшауэра в обеих Кореех (например, транслитерация самой распространенной корейской фамилии «Ким» остается «Kim», а не «Gim», как этого, казалось бы, требует новая система; латинское написание названия столицы КНДР также сохраняет написание «Pyongyang», а не «Pyeongyang», что соответствовало бы новой системе). Принимая во внимание преобладание старой системы транслитерации в англоязычной литературе, а также то, что я начал изучать корейский язык именно в Северной Корее, в данной книге я придерживаюсь транслитерации корейских слов по системе Маккьюна – Райшауэра. При этом я не буду ставить дефис в написании корейских имен, которые всегда идут за фамилиями (например, на Юге будет «Jong-un», в то время как на Севере это «Jong Un»)¹.

За исключением только что описанных сложных случаев я постарался сделать так, чтобы в книге говорилось то, в чем я уверен на сто процентов. Любые возможные ошибки, если они вдруг встретятся, остаются на моей и только на моей совести.

---

¹ В отечественном корееведении до сих пор нет единого общепринятого способа передачи корейских слов и имен собственных кириллицей. Принимая к сведению существующую вариативность в этом вопросе, хотим отметить, что в данной книге мы исходим из следующих принципов: в основе нашего подхода – практическая транскрипция, а не транслитерация; транскрипция дается в соответствии с орфографическими нормами современного корейского языка в КНДР по системам А. А. Холодовича и Л. Р. Концевича, широко применяемым в академическом корееведении; при записи корейских имен сначала идет фамилия, а затем *слитное* написание двусложного имени (пример: Ким Намрён, а не Ким Нам Рён); исключениями в данном случае являются исторически устоявшиеся написания имен лидеров страны: Ким Ир Сен, Ким Чен Ир, Ким Чен Ын. – *Примеч. ред.*

Пролог

Удивительным образом навязчивые идеи влияют на жизнь человека. Десятилетним мальчишкой я смотрел репортаж о падении Берлинской стены, находясь в своей комнате нашего пригородного дома на юге США, и не мог полностью прочувствовать всю значимость происходившего. Конечно, меня учили, что коммунизм – это что-то плохое, абсолютно противоположное чистейшей демократии, в обстановке которой я воспитывался и которую должен был холить и лелеять в будущем. Тогда я уже мог понимать, что это – зло и что оно подходит к своему концу. Всё вокруг было или черным, или белым; только хорошим или только плохим; только грубым или только гладким. Когда десятилетний подросток начинает сознательную жизнь в таких тепличных условиях, у него нет ни малейшего представления о реальной сути вещей и о тех формах жизни, которые сильно отличаются от его собственной. Чуть менее чем через десять лет после этого я гулял по улицам тех самых серых городов Центральной Европы, которые ребенком видел в вечерних новостях.

Я жил в двух из них – Праге и Берлине – в течение долгого периода моей молодости. Каждый раз, когда меня спрашивают, что заставило меня переехать в эти города, видевшие самые мрачные и наиболее знаменательные события прошлого века, я не могу дать четкий ответ. Вероятно, было что-то такое в моих детстве и юности, что побудило меня к изменению той стандартной траектории жизни, которая естественным образом должна была вытекать из воспитания в благополучных пригородах юга Соединенных Штатов. Растущее любопытство и даже очарование другим укладом жизни привели меня сначала в Нью-Йорк, где я изучал искусство, литературу и философию в университете, в котором господствовали левые взгляды, а всё происходящее рассматривалось через призму марксистской интерпретации исторического процесса. Поначалу я увлекся системами верований с богатой обрядовой практикой и идеологическими «вывертами», мне хотелось пересмотреть те ограниченные способы восприятия окружающей действительности, которыми я располагал. Я обнаружил, что лучший способ добиться всего этого – постоянно перемещаться, никогда и нигде подолгу не задерживаясь. Я стремился уклониться от любых обстоятельств, которые могли бы привести меня к тому, что походило на пугающую «зону комфорта». Наверняка мои друзья из Берлина – города, где я живу в последнее время, – скажут вам, что я трачу уйму времени, путешествуя. Понятие «дом» как одно постоянное место жизни становится для меня всё более и более туманным.

Одним словом, я стал писателем. Образцом для подражания были бодлеровский «фланёр»², «шпациргенгер»³ Роберта Вальзера, странник-скиталец, не испытывающий никаких привязанностей к какой-либо стране, нации, коллективу или идеологии, а только лишь к ГОРОДУ в самом общем и широком понимании – к хаотичному и беспорядочному мегаполису, к сумасшедшей религии, воспевающей постоянное движение, в котором рождается поэзия. В отличие от привязанного к Парижу Бодлера (возможности путешествий в XIX веке соответствовали своему времени), мне повезло жить в эпоху, когда путешествия стали доступнее и проще, чем когда-либо ранее. Мегаполисы всего мира с их разнообразием и богатством стали благодатной почвой для моего творческого роста.

Так как одержимость переменой мест является тем, что в первую очередь и питает мое писательское вдохновение, главная цель моих путешествий – это потеряться, ощутить себя чужаком в новом окружении, каждый раз восхищаясь процессом превращения чего-то чуж-

---

² Известный французский поэт, эссеист и критик XIX века Шарль Бодлер (Charles Pierre Baudelaire) посвятил феномену «фланирования» (то есть гуляния по городским улицам с целью развлечения и получения удовольствия от наблюдения за городской жизнью) одну из своих статей. – *Примеч. пер.*

³ Автор использует немецкое слово «Spaziergänger», что означает «прогуливающийся». – *Примеч. пер.*

дого в нечто очень знакомое и близкое. Я готов преодолевать огромные расстояния, чтобы затеряться в какой-нибудь новой, незнакомой для меня среде.

Поэтому весьма странно, что такой персонаж, как я сам, вдруг может оказаться привязанным к одному конкретному городу на планете, в котором кому-либо просто запрещено потеряться, городу со странными обычаями, который управляется в соответствии с еще более странной идеологической системой. К столице странного государства, во главе которого стоит странный лидер, к столице страны, которая повсеместно и демонизируется, и высмеивается, которую боятся и вообще не понимают. Это такое место, от которого странник вроде меня, находящийся в постоянном поиске свободы ото всех условностей «обычного» существования путем писательского труда и постоянных перемещений, казалось бы, должен сторониться. Никакое «фланирование» не разрешено в Пхеньяне! Вы не сможете даже просто прогуляться в одиночестве без сопровождения местного официально лицензированного гида, который обязан следить за тем, чтобы вы перемещались по строго заданному маршруту. Что такое место может дать кому-то вроде меня? Оказалось, очень многое. Поскольку в основе моей страсти к путешествиям лежало стремление к постоянному ощущению интриги, к познанию и «расшифровке» того, что выглядит непонятным или даже непостижимым. К нахождению смысла в том, что кажется диковинным и чуждым. Неслучайно первая повесть, которую я написал в 23 года, частично была о религиозном поклонении НЛО.

Издаেকে кажется, что Северная Корея – результат такого же, только доведенного до абсурда, коммунистического эксперимента, что и два европейских города, в которых я жил и поэтому ежедневно сталкивался с его отголосками. В самой же Северной Корее происходящее воспринимается как поистине ДРУГОЙ жизненный уклад. Как и многие другие, я и не подозревал, что попасть туда в принципе возможно. Однако в одном из разговоров с моим другом Томом Мастерсом, автором многочисленных путеводителей, я узнал, что он не только уже ездил в Северную Корею несколько раз, но вскоре собирается туда снова. Это необходимо было для переработки главы о Северной Корее в очередном путеводителе, над которым он в то время трудился. Было бы мне интересно поехать с ним?

Мы приземлились в Пхеньяне весной 2012 года, через несколько месяцев после кончины Ким Чен Ира. Страна внезапно оказалась в руках его сына, о котором ни народ Северной Кореи, ни весь остальной мир практически ничего не знали. Дух неопределенности парил над улицами Пхеньяна, где распространяемые шепотом сплетни и слухи были главными источниками информации о происходящих в стране событиях. Конечно, в воздухе витали и другие настроения – ощущение всепроникающих паранойи и подозрительности. Как, впрочем, и весьма заметная надежда на возможные изменения, которые молодой лидер может с собой принести – многие были настроены оптимистически.

Я не ожидал оказаться в столь красочном месте. И не рассчитывал, что меня будут принимать с такой теплотой. Несмотря на то что всю свою взрослую жизнь я прожил как экспат⁴, у меня по-прежнему американский паспорт, поэтому в глазах северокорейских властей и граждан я – американец со всем вытекающим из этого. (В стране с господствующей ультранационалистической идеологией, в которой зарубежные поездки запрещены практически всем, кроме горстки избранных, понятие «экспатриация» вводило в ступор большинство северокорейцев, которые просто не могли себе представить, как подобное возможно в принципе.) Я – гражданин враждебного государства. Однако стандартная враждебность по отношению к США, выражаемая государственными средствами массовой информации Корейской Народно-Демократической Республики (официальное название страны, сокращенно КНДР), практически никогда

---

⁴ Слово «экспат» (от английского «expatriate») уже может считаться прочно заимствованным иностранным словом в русском языке. В отличие от человека, который может быть назван «эмигрантом», потому что покинул свою родную страну вынужденно, «экспат» живет за пределами родной страны по своему собственному осознанному и добровольному решению. На протяжении всего повествования автор часто оперирует данным понятием. – *Примеч. пер.*

не ощущалась со стороны тех северокорейцев, с которыми я сталкивался в своей поездке, как направленная лично на меня. В составе нашей группы путешественников я был единственным американцем, но ко мне относились так же вежливо, как и ко всем остальным. Как и во всех странах Восточной Азии, иностранцы тут – дорогие гости, и обхаживают их с чувством благодарности; гостеприимство является частью культуры. В очень музыкальной Северной Корее даже есть такая песенка «Пан-гап-сым-ни-да» («Приятно познакомиться!»), которую корейцы обожают петь всем зарубежным гостям. Но северокорейцы стремятся не просто показать, что вам тут рады, больше всего они хотят, чтобы страна, которой они бесконечно гордятся, по-настоящему впечатлила вас.

Я знал достаточно много, чтобы просто «купиться» на всё это, но все-таки не мог в некоторой степени не поддаться этому очарованию. Я знал о ядерном оружии, о концентрационных лагерях, о царившем в стране беззаконии. Но ограничивается ли всё только этим? Отправляясь в страну, я осознавал, что лишь частично смогу получить ответы на свои вопросы. Это может показаться достаточно странным, но я не только смог в значительной степени смириться со специфическим характером северокорейского туризма, организованного по примеру Советского Союза, но и быстро понял причины этого. В самом деле, в стране, где практически за каждым следят постоянно, почему я – иностранный турист, гражданин враждебной страны – должен оказаться исключением из правила?

После той, самой первой поездки в 2012 году я возвращался в Северную Корею еще несколько раз. Первый из них – буквально через месяц – на фестиваль «Ариран»⁵, о котором я писал для журнала «Artforum». Следующий раз я побывал в Пхеньяне в 2014 году в рамках тура, посвященного особенностям местной архитектуры. Благодаря этому я увидел, насколько изменился город всего за два года. Именно эта поездка заставила меня гораздо глубже понять приоритеты руководства страны, которые зачастую скрываются за заголовками в СМИ, и те пути, какими развивается и меняется столица – в соответствии с данными приоритетами.

За эти годы я жадно поглотил все книги о Северной Корее, которые только попадались мне в руки: от воспоминаний беженцев до академических трактатов, посвященных искусству, кинематографу, социологии и экономике. Одним словом, всё, что могло дать мне понимание реальной повседневной жизни, скрывающейся за многочисленными слоями пропаганды и мифотворчества. Затем, в начале 2016 года, я наткнулся на статью на одном из новостных сайтов, посвященных Северной Корее. Она была о новой компании «Tongil Tours». В отличие от других туристических бюро, предлагающих стандартные трех-или восьмидневные туры с практически одинаковыми маршрутами, «Tongil Tours» была задумана для реализации программ образовательного обмена. Замысел Алека Сигли (Alek Sigley) – молодого австралийского студента, специализирующегося на восточноазиатских исследованиях, – состоял в организации летом того года первой месячной программы интенсивного изучения корейского языка для иностранцев на базе ведущего образовательного учреждения Пхеньяна – Педагогического института имени Ким Хёнчжика. Я немедленно зашел на сайт «Tongil Tours» и зарегистрировался для участия в программе.

Я не колебался ни секунды. Я только что закончил кандидатскую диссертацию, поставив точку в этой главе своей биографии после пяти лет работы, и мне было необходимо что-то новое, в чем я бы смог «потеряться». И это новое вдруг оказалось прямо передо мною, само шло мне в руки. В него можно было нырнуть с головой, принять участие – пусть и в роли практически стороннего наблюдателя – в «истории настоящего». Кроме того, я люблю изучать иностранные языки. Эту любовь мне привил наш преподаватель сравнительного литературо-

---

⁵ «Ариран» – это массовые музыкально-гимнастические представления, проводившиеся в КНДР. Фестиваль 2007 года включен в Книгу рекордов Гиннеса как самое грандиозное в мире шоу. Последнее представление состоялось осенью 2013 года. – *Примеч. пер.*

ведения в колледже, он утверждал, что невозможно по-настоящему понять какую-либо страну, пока не изучишь ее язык. Поэтому я тотчас же решил, что это именно та возможность, о которой я долго мечтал. Однако я никак не мог предположить, что она когда-нибудь станет реальностью: попытаться понять КНДР изнутри, на ее собственном языке, с помощью погружения в ее повседневную жизнь в течение пусть и ограниченного, но всё же достаточно большого периода времени. Шанс провести там целый месяц, по сравнению со стандартными несколькими днями обычного туриста, – это возможность постичь те нюансы, которые просто недоступны большинству иностранцев.

Некоторые из моих родственников и друзей опасались, что я могу там «потеряться» уже в буквальном смысле. Всего за месяц до этого студент из Университета Вирджинии Отто Уормбиер (Otto Warmbier) был арестован в Пхеньяне за попытку украсть пропагандистский плакат. Многие американские СМИ утверждали, что арест носил политический характер и имел недвусмысленное символическое значение: никто из американцев не будет в безопасности на территории Северной Кореи. Однако я бывал в Пхеньяне до этого, и тогда в северокорейских тюрьмах уже сидело несколько американцев. Медийная истерия меня не очень трогала. Я был прекрасно осведомлен о правилах, которых следует придерживаться, путешествуя по КНДР, а также сопоставлял риски с возможными выигрышами.

Я также задумывался об этических вопросах, связанных с поездками в Северную Корею. Очень многие принципиально против них, они считают, что путешествия «в гости к диктаторам» – это дешевая практика «мрачного туризма». Это когда кажется, что все граждане «несчастной страны» являются по сути не более чем узниками режима или живыми пропагандистскими плакатами. И наконец, привозя свои деньги в Северную Корею, турист способствует разработке там ядерного оружия.

Никто ни разу не предъявил доказательств, что доходы от туризма направляются на поддержку военных программ КНДР. А поскольку эта страна отказывается публиковать данные о своем бюджете и его расходных статьях, то правду об этом мы, скорее всего, никогда не узнаем. Но это не останавливает многочисленные западные СМИ, которые предположение о том, что доходы от иностранного туризма направляются на программы разработки ядерного оружия, представляют точно установленным фактом. Я ни в коем случае не оправдываю правительство Северной Кореи и не отрицаю того, что там совершаются ужасные вещи, но ведь средства вкладываются и в строительство домов, школ и больниц. Если у вас будут неопровержимые доказательства того, что деньги, которые вы потратили в поездке, пошли на строительство детского дома, станет ли это решающим фактором для вас при ответе на вопрос «ехать или нет?» Разве не существует таких аспектов в жизни разных стран – включая вашу собственную, – которые могут многим не нравиться? Если мы начнем бойкотировать поездки в некоторые страны, исходя из подобного рода этических соображений, мы очень скоро придем к тому, что «этично» вообще никуда не ездить.

Такие этические аргументы не слишком приемлемы, потому что реально всё дело сводится к отношению и намерениям каждого конкретного путешественника, которые невозможно проконтролировать.

Северная Корея – это обнищавшая страна, народ которой живет в обстановке постоянно меняющихся капризов репрессивного полицейского государства. И в принципе, почти каждый, за исключением обладателей паспортов Южной Кореи, имеет право легально въехать в страну. Из этого следует, что любой, кто захочет, может просто отправиться туда «поглазеть». Однако предполагать, что этот мотив движет КАЖДЫМ, кто решается посетить КНДР, – смешно и беспочвенно. В своих предыдущих поездках в эту страну я сталкивался с иностранцами совершенно разных социальных групп: от докторов до историков архитектуры и стюардесс, цели которых были совершенно разными. Нелогично предполагать, что единицы вдохновленных

путешественников, рискнувших пойти на такую авантюру, несмотря на очевидные трудности и расходы, исходят исключительно из циничных соображений.

Немногочисленные туристические компании, занимающиеся организацией поездок в Северную Корею, как несомненное достоинство своего продукта обычно подчеркивают, что прямое общение иностранца с местными может помочь «открыть глаза» на многое и «изменить восприятие» принятых в северокорейском обществе норм. Вообще-то я скептически отношусь к любой рекламе, но в данном случае я видел своими глазами, что подобное человеческое взаимодействие действительно весьма эффективно. Я наблюдал, как ведут себя северокорейцы во время первых в их жизни разговоров с чужаками из другого, «внешнего» мира и как в результате им волей-неволей приходится пересматривать прописные истины, которые вбивали им в головы всю предыдущую жизнь. Что еще более удивительно – это работает и в обратную сторону: так, от северокорейцев я узнал о своем мире такие вещи, о которых в противном случае никогда бы так и не задумался. Я узнал, что очень многое, что я до этого слышал о Северной Корее и во что меня учили верить, является ложным, преувеличенным или искаженным.

У меня всегда было смутное предположение, что все СМИ являются идеологически предвзятыми, независимо от провозглашаемой ими степени своей объективности. Но тут я пришел к четкому пониманию, что в западных СМИ большинство репортажей о Северной Корее, которые и формируют наше отношение к этой стране, являются идеологизированными. Все происходящее в Северной Корее очень часто преподносится как нечто совершенно иррациональное. Мой собственный опыт заставляет усомниться в такой интерпретации и подозревать, что эта предлагаемая «иррациональность» – всего лишь некий штамп, ярлык, который используют те, кто просто не желает понять точку зрения оппонентов.

Я убежден, что именно человечность, пусть и не совершенная, как раз и единит людей из Северной Кореи с теми, кого я встречал где бы то ни было в мире, но именно это игнорируется в погоне за сиюминутными политическими выгодами. Я видел, как некоторые организации продолжают бороться и работать, даже процветать, в условиях оказываемого сверху давления. Мое общение с северокорейцами по большей части происходило в заранее согласованных местах, в которых за ними постоянно наблюдали. Но даже в таких условиях были моменты, которые в принципе не поддавались контролю – например, возникновение новых идей. В этом смысле поездки в Северную Корею носят глубоко подрывной характер, так как они приносят пользу обеим сторонам. Они являются плодотворной альтернативой или даже заменой более последовательных форм дипломатии, которые должны были бы иметь место, но которых не было на момент написания этой книги.

Месяц, проведенный в Пхеньяне, привел меня к пониманию следующего. Моя отчужденность, пропитавшаяся чувством американской исключительности, от которого очень трудно избавиться, всегда вынуждала меня держать некоторую дистанцию по отношению к исследуемым странам и городам, и этого не изменили даже мои постоянные странствия в самые разные уголки планеты. К тому же как писатель я всегда оказывался как бы вне того, что я наблюдал, вне самой истории. Написание текста помогало мне незримо присутствовать, быть неким невидимым посредником, который не принимает прямого участия в происходящем. И вот такая дистанция, как я сейчас понимаю, не позволяет достичь истинного понимания. Отправиться в Северную Корею оказалось несложно. А для того чтобы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** начать понимать эту кажущуюся непостижимой страну, мне пришлось приложить усилия и избавиться от этой искусственно созданной дистанции, той невидимой перегородки, которая отделяет «нас» от «них». Я проделал долгий путь, который в итоге оказался неконтролируемым, хотя внешне он таким и не выглядит.

Спустя пять лет я пришел куда-то, где всё совершенно не так, как в начале моего пути. Это и есть наилучший способ «потеряться» – когда в сухом остатке у вас гораздо большее, чем просто ваш путь.

Часть первая

Мечты забытого города

Первая глава

По утрам весь город накрывает дымка. Твое пробуждение вовсе не означает, что ты проснулся. Наоборот, ты как будто бы переходишь из одного состояния сна в другое. В какой-то иной чарующий мир. Эта дымка не скрывает все вертикальные здания, образующие панораму города. Она скорее окутывает их, и поэтому разноцветные дома предстают артистами на сцене за практически прозрачным занавесом.

Вглядываясь в пространство сквозь этот занавес, твой глаз различает вишнево-красное пламя, венчающее Монумент идеям чучхе и даже самую верхушку гостиницы «Рюгён». Эта дымка причудливо клубится над водами реки Тэдонган, которая неторопливо змеится сквозь центр города, а пара судов, ведущих работы по углублению дна, подчеркивают ее плавное течение. Всё вокруг тихое и спокойное, как воды этой реки. В эти моменты ощущаешь себя в богом забытом месте, бесконечно далеко от плотной мозаики перемешанных друг с другом людей и автомобилей, от постоянного шума и неоновой вакханалии какой-либо мировой столицы XXI века.

И вдруг всю эту мечтательно-благолепную тишину пронзает некий звук, настолько бесплотно-легкий, что возникает мгновенная мысль о том, что его несет ветер. Потом начинаешь думать, что его источником является какой-то старый синтезатор-терменвокс⁶. Ты открываешь окно, силясь понять, что происходит. Кажется, звук исходит откуда-то из района главного вокзала, расположенного на другом конце улицы. Может ли это быть сиреной воздушной тревоги? Нет... Затем следует второй звук: слышится жутковатая мелодия, похожая на саундтрек какого-то мрачного фильма.

Это – песня. Это – жалобный крик. Это – мягкая команда. Вы понимаете, что это некий огромный будильник для людей, живущих в центре Пхеньяна, часть их утреннего ритуала. Повсеместно, во всех этих домах пастельных цветов, люди поднимаются со своих кроватей, умываются, облачаются в униформу с обязательными красными значками слева на груди – прямо у сердца. На вопрос, содержащийся в названии песни («Где же Вы, Дорогой Полководец»⁷), дается ответ ее всепроникающим и нарастающим торжественным звучанием. Оно напоминает всем тем, пробудившимся из мира грез, тем, кто отлично знает наизусть не звучащие сейчас слова, где они находятся в реальном мире.

---

⁶ Терменвокс – электромузыкальный инструмент, созданный в 1920 году советским изобретателем Львом Терменом. – *Примеч. пер.*

⁷ Мелодия, о которой говорит автор, – это мелодия часов, расположенных на Народном дворце учебы в самом центре города, на площади Ким Ир Сена. Мелодия имитирует звук колокола, когда-то находившегося в одном из деревянных павильонов на берегу реки. Эту мелодию часы играют три раза в день (в 5:00, 12:00, 24:00, то есть обозначают три важные вехи: подъем, обед, конец суток). Согласно северокорейским источникам, часы проигрывают первые такты мелодии «Песня о полководце Ким Ир Сене», написанной в 1946 году известным корейским композитором Ким Вонгоном, автором гимна КНДР. Эта идея была предложена Ким Чен Иром во время строительства Народного дворца учебы в 1980 году. По словам Ким Чен Ира, выбор песни и способ исполнения должны подчеркнуть национальное своеобразие корейского народа. В тексте книги в качестве мелодии главных часов страны автор ошибочно приводит название другой песни: «Где же вы, дорогой полководец?», написанной, как считается, самим Ким Чен Иром в 1971 году совсем по другому поводу. – *Примеч. ред.*

* * *

Наиболее амбициозные обитатели города встают даже раньше, чем раздастся рев этого утреннего гимна. Там, где-то в восточном Пхеньяне, в районах, которые в прошлом находились в запустении, а в последние годы стали бастионом местных «нуворишей», изобилующим новыми магазинами, ресторанами, центрами отдыха и жилыми комплексами со всем их соблазнительным блеском, товарищ Ким Намрён просыпается в четыре утра под мелодию из «Титаника», звучащую из его смартфона «Ариран». Пока его жена и восьмилетняя дочка еще спят, товарищ Ким в гостиной делает утреннюю зарядку, а затем за чашкой чая на кухне просматривает утренние газеты. Это «Нодон Синмун», или «Рабочая газета», – главный печатный орган страны, а также множество других изданий, предназначенных только для глаз новой деловой элиты. Еще ему, как директору одной из государственных компаний, занимающихся иностранным туризмом, доступен целый ряд документов Трудовой партии Кореи. В этих документах сформулированы директивы политического и административного характера, которые он обязан выполнять или, по крайней мере, к которым должен выказывать свою приверженность. Возвращаясь к «Нодон Синмун», он внимательно читает передовицу, чтобы почувствовать «тональность», которую задает высшее руководство наступающему дню. Как и другие наиболее продвинутые жители столицы, он научился читать между строк; часто то, что в явном виде отсутствует в этих текстах, является наиболее важным и показательным.

В половине шестого пора будить жену и дочку. Вместе они завтракают кукурузной кашей и яйцами вкрутую, запивают это кислым йогуртом китайского производства, который дочка предпочитает заменить молоком, восстановленным из порошка.

Вскоре после того, как товарищ Ким уезжает в 7 утра на работу, раздастся громкий стук в дверь. «Просыпайтесь!» Громкий и знакомый голос говорит: «Время уборки!»

В дверях – товарищ Ли, староста *инминбана* – «народной группы», в которую входит определенное число местных жителей. Каждый северокореец принадлежит какому-нибудь *инминбану*, который обычно состоит из 20–40 семей. В доме, в котором живет товарищ Ким, все квартиры выходят на одну общую лестницу и образуют один *инминбан*. *Инминбанчжан*, староста народной группы, – это обычно женщина среднего или пожилого возраста. Ее главная задача, согласно одному из пропагандистских плакатов, – «не терять революционную бдительность». Пристально следить за всеми, кто входит на вверенную ей территорию и выходит с нее, отмечать все мельчайшие детали. Товарищ Ли хорошо усвоила из тех курсов, которые она проходила прежде, чем стать старостой, что хороший *инминбанчжан* должен точно знать, сколько ложек и палочек хранится на каждой кухне, и иметь возможность отправить эту информацию куда надо по первому сигналу.

Инминбанчжан – это вообще-то надоедливый сосед, получивший официальный статус. Это местный смотрящий, который должен пристально следить за наиболее сокровенными сторонами частной жизни тех, за кого он отвечает. Вплоть до 1995 года *инминбанчжан*ы должны были даже составлять отчеты о том, как и на что граждане тратят свои деньги – в особенности, если дело доходило до крупных покупок, в частности, предметов роскоши, стоимость которых подозрительно превосходила средние доходы семьи.

Все претенденты на позиции *инминбанчжана* проходят отбор, впрочем, как и на любые другие рабочие места в КНДР. Такие женщины, как товарищ Ли, могут жить достаточно хорошо по местным стандартам. В теории, они должны осматривать каждую подведомственную квартиру как минимум раз в неделю. Но во многих *инминбанах*, включая тот, к которому принадлежит товарищ Ким, это правило постепенно было забыто, что отражает всё расширяющуюся брешь между теорией и практикой, появившуюся с того момента, когда новый молодой лидер пришел к власти. Тем не менее *инминбанчжан* может сделать жизнь другого человека

невыносимой. Каждая смысленная и предприимчивая хозяйка после переезда на новую квартиру должна подружиться со своей *инминбанчжан*, одаривая последнюю и словесными комплиментами, и, что важнее, материальными подарками. В ответ на это *инминбанчжан* будет закрывать глаза на незначительные отступления от правил.

Однако некоторых обязанностей не избежать. Как профессиональный соглядатай *инминбанчжан* ответственна за встречу и регистрацию абсолютно каждого гостя, приходящего к членам *инминбана*. Поэтому ни продавцы всякой всячины, ни грабители, ни иностранцы, ни контрреволюционные элементы не смогут проникнуть на объект. Когда появляется какой-то гость из другого населенного пункта (даже если это чей-то родственник), *инминбанчжан* обязана проверить у него разрешение на поездку. В частности, для того чтобы точно знать, сколько дней путешествующий имеет право оставаться в Пхеньяне. Разрешение на приезд в столицу, как правило, очень трудно получить, хотя с помощью взятки этот процесс можно заметно ускорить.

Существуют и внеплановые ночные проверки, о которых никого не предупреждают и которые *инминбанчжан* должна проводить совместно с полицией по несколько раз в месяц. Семью будят, квартиру обыскивают на предмет наличия запрещенной литературы и других носителей информации. Основная цель такой проверки – убедиться, что никто не ночует в квартире без официального разрешения. Каждого, кто нарушил это правило, даже если это житель Пхеньяна, который просто не удосужился оформить нужную бумагу у *инминбанчжана*, будут допрашивать, оштрафуют, а данные о правонарушении занесут в личное дело его собственной народной группы и по месту работы. Подобные проступки могут приводить к многочасовым разборкам в полиции. Часто таким образом ловят любовников, которые, конечно, не хотят огласки и всеми силами стремятся ее избежать. К счастью для семьи товарища Кима и его соседей, товарищ Ли относится к своим подопечным по-матерински. Она предупреждает их, когда подобных ночных проверок не избежать, что особенно важно для пожилой вдовы из соседней с Кимом квартиры: всем известно, что она сдает свою вторую комнату на почасовой основе тем, кто хочет уединиться. Подобная практика дает этой женщине некоторый дополнительный доход.

Товарищ Ли, однако, проявляет жесткость в том, что касается дисциплины по утрам. В дополнение к тому, что она де-факто является частью аппарата госбезопасности, *инминбанчжан* отвечает за ежедневную уборку мест общего пользования. Такая уборка является обязанностью одного из взрослых членов каждой семьи из каждой квартиры. Обычно этот труд берут на себя жены, так как замужние женщины в КНДР, в отличие от мужчин, не обязаны работать. Как правило, на уборку выделяется один час по утрам, в течение которого необходимо помыть полы, постичь кусты, подмести тротуары и прополоть от сорняков лужайки вокруг здания.

В результате город сохраняет первозданную чистоту. В этом немедленно убеждается любой приехавший в Пхеньян турист.

* * *

Пхеньян проснулся. В то время как товарищ Ким едет на работу, на улицах царит настоящая суматоха. Безупречно одетые «белые воротнички» целеустремленно идут в свои тускло освещенные офисы. Юные пионеры в красных галстуках, члены общеобязательного Детского союза Кореи, пробираются мимо многоэтажек к своим школам. Однообразная серо-зеленая униформа, в которую одеты и гражданские служащие, и правительственные чиновники, и полицейские, и военные, даже подчеркивает пестрое разнообразие всего этого крайне функционального в своей сути броуновского движения, струйки которого прокладывают себе путь по широким проспектам и по переулкам между зданиями. В свое время практически каждый – по крайней мере, каждый мужчина – носил униформу. Сейчас подобные правила смягчились,

одежда стала более разнообразной, но ее стиль все равно остается весьма консервативным: одежда безупречного кроя должна быть идеально отглажена, внешний вид строгий и аккуратный. Однако разнообразие пробивает себе путь. На дворе середина лета, а значит, мужчины надевают рубашки с короткими рукавами всех цветов и фасонов, дополняя их обязательными воротниками. Для тех, кто принадлежит к набирающему силу среднему классу или, скорее, к его верхним слоям, наручные часы – неотъемлемый атрибут, наличие которого требуется негласным этикетом. Причем дорогие европейские бренды, наподобие Rolex, котируются в рамках этого этикета выше всего – хотя, при более пристальном взгляде, подавляющее большинство таких часов оказывается китайскими подделками. Женщины одеты более разнообразно и пестро. Только в последние годы, к концу жизни Ким Чен Ира, им разрешили появляться в общественных местах в брюках. Юбки по-прежнему преобладают и во многих случаях являются элементом дресс-кода – они должны быть достаточно длинными, чтобы скрывать колени, но на представительницах молодежи и верхних слоев общества, которые имеют возможность выказывать некое бунтарство, можно видеть брюки и даже брючные костюмы. Если для мужчин шиком считаются наручные часы, то женщины предпочитают выделяться за счет обуви. Высокие каблуки в сочетании с носками считаются последним пискom местной моды.

В утренний час пик вы видите длинные очереди на автобусных остановках, толпы в поездах метро, подаренных корейцам Германией, и в красных трамваях, внешний вид которых должен быть хорошо знаком тем, кто хоть раз бывал в Праге. Эти трамваи в начале 1990-х годов были закуплены в Чехословакии. Интенсивные транспортные потоки в центре города управляются одетыми в бирюзовую униформу девушками-регулирующими, которые своими движениями напоминают танцующих роботов. Все транспортные средства официально принадлежат или государству, или армии. Однако в последнее время появились послабления на этот счет – автомобили часто используются и частными лицами, которых можно считать деловыми людьми и у которых имеется достаточно связей, хотя их вряд ли где-то в мире отнесли бы к категории официальных лиц. Повсюду сотни автомобилей такси, принадлежащих пяти-шести компаниям, которые считаются конкурирующими.

Товарищ Ким наконец добирается до офиса Корейской государственной туристической компании, который блестит чистотой, так как обязанность его подчиненных – явиться в офис за час до начала рабочего дня и хорошенько прибраться. Рабочий день начинается с совещания. Сотрудник товарища Кима вслух читает отрывки из передовицы «Нодон Синмун», содержание статьи кратко обсуждается, даются директивы относительно того, чему должен быть посвящен начинающийся рабочий день. Несмотря на то что это учреждение называется «Корейская государственная туристическая компания», собственно туризм – это только один из видов деятельности, которой каждый день занимается товарищ Ким как ее генеральный директор.

С 2012 года, примерно с момента прихода к власти Ким Чен Ына после кончины его отца, границы, разделяющие частный и неофициальный бизнес от государственного, становятся всё менее четкими. Причина этой размытости коренится в непубличных формах капитализма, который возник на фоне голода 1990-х годов. В Пхеньяне чиновники высшего уровня с хорошими связями в политических кругах и с возможностью выезжать за границу фактически могут делать почти всё, что захотят. Товарищ Ким весьма амбициозен и предприимчив. Он курирует ряд импортно-экспортных предприятий – в области продовольствия, медицины, бытовой электроники, дорогой косметики. Он приобрел много связей за границей во время своей работы в двух посольствах КНДР. Эта работа позволяла ему совершать поездки в пару десятков стран. Товарищ Ким – яркий и типичный представитель того общественного слоя, который местные называют *тончжу* – что значит «капитаны бизнеса», «новые корейцы» (дословно «хозяева денег»). В отличие от политической элиты, представители которой имеют привилегированное положение благодаря наличию родственных связей с правящей семьей Кимов и доказанной в течение многих лет преданности ей, *тончжу* образуют как бы

второй уровень элиты: они приобрели влияние и материальное благосостояние в результате во многом случайного вторжения капитализма.

Их можно назвать «яппи»⁸. Как и другие *тончжу*, товарищ Ким ведет свою деятельность под надзором, или, можно сказать, под эгидой более влиятельного человека, который служит в Министерстве иностранных дел и который был его однокурсником в Училище иностранных языков. Такие связи мало чем отличаются от структуры в больших южнокорейских корпорациях, в которых одноклассники и однокурсники продолжают совместную работу или выстраивают друг с другом деловое партнерство на всю жизнь. В результате образуются замкнутые сообщества, в которые проникнуть со стороны практически невозможно. Как только товарищ Ким заключает какую-то большую сделку, он платит откат своему покровителю, который, в свою очередь, делится с тем, кто стоит над ним. И так далее – до самых верхних этажей иерархии, которые заканчиваются на уровне правящей семьи или самых приближенных к ней руководителей. Являются ли такие платежи некоей альтернативной системой налогообложения в стране, где официально нет подоходного налога, или это больше похоже на мафиозную систему вымогательства? Этот вопрос никогда и никем не обсуждается. Просто так устроена система, которая худо-бедно работает в настоящее время и благодаря которой можно наблюдать явные признаки растущего благосостояния. Это – обычная экономика, восточноазиатский стиль, пробирающиеся, несмотря ни на что, рыночные отношения. Элита работает на свое обогащение, создавая тем самым рабочие места и открывая некоторые возможности для тех, кто принадлежит классу ниже.

* * *

На другом конце города девочка Ким Кымхи начинает свой день с песни, маршируя в единой шеренге со своими одноклассниками в Пхеньянской младшей школе № 4. Такие песни, как «Защитим штаб Революции!», в которой корейцы сравниваются с «пулями и бомбами», учат эту девочку, что ее первейшая обязанность как гражданина страны – защищать Маршала Ким Чен Ына. И даже становится живым щитом, если потребуется. Когда она узнает о главном враге своей страны, ее научат, что правильнее всего называть любого гражданина этой враждебной державы «американский ублюдок».

Внутри здания школы, за главным входом учеников встречает огромная картина, изображающая Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, стоящих на фоне горы Пэктусан, на их лицах как будто приклеенная белозубая улыбка. Вслед за одноклассниками девочка кланяется ликам вождей и затем идет в свой класс.

Каждый школьный день Кымхи проводит от двенадцати до шестнадцати часов вдали от своих родителей. В оруэлловской «Ферме животных» всех щенков забирают у собак-матерей сразу после рождения с той лишь целью, чтобы они вновь явились сюда позднее уже как воины – сторожевые псы, воспитанные прежде всего для защиты системы. Что-то похожее имеет место и тут. В философии конфуцианства семья – священная единица, способная защитить саму себя. Северокорейскому государству такое понимание института семьи не совсем подходит. Поэтому его видоизменили: государство – это и есть семья для каждого корейца. Роли отца и матери исполняют два человека – два вождя и защитника нации. А сейчас к ним присоединяется третий потомок, и перед нами предстает истинный пэктусанский род, другими словами патриархи социальной формации, в которой семья – это государство.

Огромная часть школьной программы посвящена изучению жизни вождей: чем они жертвовали, чего добились. Почему же маленькие дети, вроде Кымхи, могут быть самыми

---

⁸ «Яппи» (от английского «yuppie») – это молодые, состоятельные, хорошо образованные, профессионально успешные люди, сосредоточенные на деловой карьере, но и не пренебрегающие светскими тусовками. – *Примеч. пер.*

счастливыми в мире? Ее научат, что самая правильная жизнь – это жизнь в любви к вождям, в поклонении и служении им. Она привыкнет, что воспринимать всё, чему ее учат, нужно без каких-либо вопросов. Вопросы появятся позже. Но к этому времени она уже будет твердо знать, что их нельзя озвучивать. Вместо этого она научится делать свои собственные выводы.

* * *

Снова звучит мелодия, которая разрывает течение дня и дает сигнал о том, что наступило время обеда. В городе появляется всё больше ресторанов для элиты, однако большинство предпочитает в них ужинать, а не обедать. Многие корейцы возвращаются домой, чтобы обежать со своими супругами. В некоторых учреждениях, как в офисе товарища Кима, есть своя столовая.

За обеденным столом, на котором выставлены рис, острая квашеная капуста *кимчи* и суп из соевой пасты, товарищ Ким беседует со своими коллегами. Он говорит, что сегодня вместе с товарищем Мин уйдет с работы пораньше. Они направятся в аэропорт. Нет, на этот раз он никуда не улетает. Ему надо встретить делегацию – трех иностранных гостей, молодых людей, которые в течение месяца будут учиться в Педагогическом институте имени Ким Хёнчжика. Это собственный проект товарища Кима, который он «пробил». Подобное было бы немислимо еще пару лет назад. Но благодаря его связям, статусу, а также происходящим в обществе изменениям программе дали зеленый свет.

Его коллеги медленно переваривают эту информацию, двое из них закуривают.

«И вы просто не поверите, – улыбается он, в то время как все остальные наклоняются к нему, чтобы расслышать его шепот, – один из них – американский ублюдок».

Вторая глава

В середине июля 2016 года, как, впрочем, каждый год в это время, в Пекине царит жара и воздух насыщен влагой. Температура поднимается до 35–37 градусов. Опаленные солнцем улицы кишат автомобилями и забиты пробками. Мое такси, наконец, съезжает с наводненного машинами шестиполосного автобана в направлении сверкающего торгового района Саньлитунь, где блестящие витрины магазинов западных брендов окружены морем плохоньких кафешек и баров, которые, тем не менее, рассчитаны в основном на туристов и экспатов. Я обедаю там вместе со своим другом Саймоном Кокреллом – руководителем туристического агентства «Koryo Tours», которое, в частности, организует групповые экскурсии в Северную Корею. Мои первые четыре поездки туда также организовывало это турбюро. Однако завтра мне предстоит начать путешествие совершенно иного рода. Я стал студентом месячных курсов корейского языка при Педагогическом институте имени Ким Хёнчжика. В этом институте есть факультет для иностранных граждан, предлагающий бакалаврский и магистерский курсы корейского языка. Однако в настоящее время учиться там на постоянной основе могут только китайские студенты. Институт предпринимает усилия для расширения своей деятельности, равно как и для увеличения финансирования, поэтому впервые в своей истории открывает двери для иностранцев с Запада. Вряд ли это можно считать большим прорывом для института. Я – один из трех студентов, которые записались на эту программу. Другой студент – владелец компании «Tongil Tours» (новый конкурент фирмы «Koryo»), которая как раз и уладила с северокорейцами все детали этой программы. Получается, что я – один из двух студентов, записавшихся на этот курс по-настоящему «со стороны».

Саймон не удивился, что наша группа столь малочисленна. «Количество наших клиентов в этом году практически не изменилось, – говорит он мне, – мы не теряем бизнес, но абсолютно очевидно, что мы и не растем».

Я спрашиваю, не является ли это следствием общей напряженности в последнее время. «Совсем нет, – отвечает он, – напряженность есть всегда».

Тут он устался в свою тарелку с пастой, как будто соображая, не стоит ли как-то дополнить это свое высказывание. «Если что-то новое и есть, то это Уормбиер».

В новогодние дни 2016 года 21-летний студент университета Вирджинии Отто Уормбиер отправился в пятидневный тур по Северной Корее, организованный компанией «Young Pioneers», получившей название в честь красногалстучной детской организации КНДР, в которую должны вступать все дети. Компания известна организацией рискованных туров для молодежи. Ее девиз: «Мы организуем недорогие поездки в те места, куда ваши мамы вас никогда бы не отправили». По словам членов этой группы, в последнюю ночь в Пхеньяне Уормбиер зависал в баре отеля «Янтакто». Затем, посреди ночи, либо просто на слабо, либо осмелев под действием выпитого алкоголя он тайно проник в комнату, предназначенную только для обслуживающего персонала гостиницы, и попытался стащить оттуда пропагандистский плакат. Однако плакат был намертво приделан к деревянной перегородке, свернуть и засунуть его в чемодан было невозможно. Поэтому Уормбиер бросил плакат, перегородку и всё остальное на пол и вернулся в свою комнату.

«На следующее утро, когда персонал вышел на работу, первым делом все задались вопросом, что делает этот плакат на полу, – сказал Саймон. – Плакат был на корейском, поэтому Уормбиер не мог прочитать, что на нем было написано имя Ким Чен Ира. Конечно, ни один кореец не осмелился бы ТАКОЙ плакат оставить лежащим на полу! Они просмотрели видеозаписи камер наблюдения за предыдущую ночь и увидели, что на самом деле произошло. К этому времени слух о ночном происшествии уже распространился, и сотрудникам отеля пришлось доложить обо всем куда следует».

Так как группа покидала Пхеньян этим утром, Уормбиера задержали прямо на паспортном контроле и отправили в тюрьму.

Впоследствии государственные средства массовой информации КНДР представили Отто Уормбиера шпионом ЦРУ, выполнявшим в стране какое-то задание. Американские же СМИ живописали Уормбиера как невинную жертву жестокого северокорейского режима и утверждали, что заложника используют в торге с Западом и пытаются «продать» за большую «помощь», которую в действительности направят на финансирование своей ядерной программы. В Конгрессе и в СМИ звучали призывы запретить туризм в Северную Корею для американцев на основании того, что там любой гражданин США может быть брошен в тюрьму по малейшим подозрениям.

Эта кампания в прессе сыграла свою роль. «У нас было некоторое число отказов», – сказал Саймон.

Я вслух поинтересовался, задумывались ли когда-нибудь люди из «Young Pioneers» о проведении инструктажа о том, что можно, а чего категорически нельзя делать в Северной Корее, для туристов, которых они туда посылают. Если бы инструктаж имел место, Уормбиер был бы прекрасно осведомлен, что, независимо от того, иностранец ты или местный, кража пропагандистского плаката обязательно приведет к конфликту с властями. Любые неподобающие действия с подобного рода плакатами могут повлечь серьезнейшее наказание для гражданина Северной Кореи – вплоть до смертной казни. Почему какой-то иностранец должен избегать подобного наказания? В любом случае, когда едешь с американским паспортом в такие места, должно быть интуитивно ясно, что надо проявлять особую бдительность в том, что касается соблюдения местных законов и обычаев.

Я слышал, что Уормбиер первоначально намеревался отправиться в Пхеньян с «Koryo Tours». В переданном по телевидению признании после ареста Отто сказал, что он обсуждал поездку и с «Koryo Tours», и с «Young Pioneers», а также что его отец и брат хотели поехать вместе с ним. В конце концов, как заявил Отто в своем признании, он решил остановиться на «Young Pioneers Tours», так как там было заметно дешевле.

Я спрашиваю Саймона, правда ли это. Вместо ответа он продолжает смотреть на свою тарелку с пастой и тяжело вздыхает. Он говорит: «Я не знаю, почему с ним не поехал его отец. Я ничем не мог помочь, но если бы отец был с ним в этой поездке, осмелился бы Отто болтаться по комнатам для персонала отеля в два часа ночи в канун Нового года? Это правда, что “YoungPioneers” – более дешевая компания. И я не могу сказать, что “Koryo” лучше... Мы просто... Это просто другой тип культуры».

Тут он останавливается с характерной для него скромностью. За все годы, что мы были знакомы, я никогда не слышал от Саймона ничего такого, что даже отдаленно напоминало бы критику или какое-то пренебрежительное отношение к конкурентам «Koryo». Так что я сам должен сказать, что «Koryo» предлагает более КУЛЬТУРНЫЕ варианты туризма в Северную Корею, и именно поэтому туры этой компании несколько дороже. «Koryo» значительно дольше, чем любой конкурент, работает на этом крошечном нишевом рынке, имеет хорошие связи с коллегами из государственных туристических компаний в Пхеньяне и, как самая успешная компания с точки зрения реальных цифр, имеет возможность предлагать своим клиентам путешествия в те города и даже целые регионы КНДР, посещение которых до этого было просто запрещено для иностранных туристов. И если типовые маршруты этих двух компаний более или менее схожи, то существуют очевидные различия в маркетинговой политике и внутренней философии ведения бизнеса. У «Young Pioneers» есть специфический бар с уклоном в северокорейскую тематику в уезде Яншо на юге Китая, известном как рай для пеших туристов. В этом баре вы получите бесплатный шот, если купите тур у компании. Агентство «Ассошиэй-

тед Пресс» в статье 2017 года о так называемой «культуре ганг-хоу»⁹, практикуемой в «Young Pioneers», пишет, что ее основатель однажды был госпитализирован в Пхеньяне, после того как сломал лодыжку, попытавшись в состоянии сильного алкогольного опьянения спрыгнуть с движущегося поезда. У «Koryo» совершенно иной подход, компания продвигает идеи взаимовыгодного культурного обмена, участвует в съемках фильмов, организации выставок и спортивных мероприятий со своими северокорейскими партнерами; собирает деньги для детских домов.

«Возможно, он бы не напился в стельку и не совершил бы эту глупость – это ты хочешь сказать?»

Саймон пожимает плечами: «Я видел ролик с камер видеонаблюдения. Было ровно два часа ночи первого января. Я не знаю, приятель... Ты думаешь, что трезвый человек – в новогоднюю ночь – совершит что-нибудь подобное?»

* * *

В фойе моего отеля на 4-м Северном Кольце я жму руку Алеку Сигли. Мы говорили друг с другом по скайпу вскоре после того, как я подал заявку на участие в этой программе, но это наша первая личная встреча. Алек – сын австралийского сиолога и женщины родом из Шанхая – студент выпускного курса. Он специализируется на изучении Восточной Азии, свободно говорит на китайском, японском и корейском языках. Последние пять лет он провел в постоянных поездках между различными университетами этого региона. Во время его пятого посещения Северной Кореи в 2013 году сопровождавший его гид однажды утром появился вместе со своим начальником из «Корейской государственной туристической компании» – товарищем Кимом. Ким Намрён дал понять, что очень заинтересован в австралийском бизнес-партнере. У него была идея заняться импортом знаменитой австралийской говядины. Алек вежливо ответил, что он высоко ценит это предложение, но не хочет подвергать свое будущее опасности, принимая участие в том, что нарушает международные санкции. Товарищ Ким покивал в знак понимания, а затем предложил подумать над тем, чтобы совместно организовать новую туристическую компанию.

Джентльменское поведение товарища Кима произвело сильное впечатление на Алека. Помимо своего гида, женщины по фамилии Мин, ему никогда до этого не встречались столь утонченные и одновременно приземленные, обладающие деловой хваткой северные корейцы. Оба – и Ким, и Мин – провели достаточно много времени за границей и прекрасно понимали, как устроен мир, из которого прибыл Алек, могли говорить с ним на одном языке. Более того, «Пхеньянский проект» – образовательная программа, в рамках которой Алек совершал все свои поездки, разваливалась. И он, и товарищ Ким видели это. Ким предложил Алеку продолжить развивать эту программу с того самого места, на котором остановится «Пхеньянский проект»: с предложения образовательных туров в КНДР, которые должны были инициативно

---

⁹ Слово «gung-ho», существующее в современном английском языке со значениями «полный энтузиазма», «чрезмерно восторженный», имеет довольно любопытную этимологию. В действительности оно было заимствовано из китайского языка и представляет собой англоязычный вариант китайского понятия «работать вместе» (##), которое в свою очередь происходит от сокращенного варианта названия организации «Китайские промышленные кооперативы» (#####), существовавшей в 1930–1940-е годы. В английскую речь это слово было привнесено в 40-е годы XX века генералом морской пехоты США Эвансом Карлосом, который в свое время работал в Китае и решил использовать это понятие в его китайском произношении при работе с личным составом в качестве доступного объяснения для воспитания чувства локтя и командного духа в бою. Впоследствии слово «gung-ho» стало боевым кличем штурмовиков морской пехоты США, которые совершили несколько успешных операций против японцев во время Второй мировой войны. Эти эпизоды стали основой для сюжета популярного художественного фильма 1943 года, и боевой клич «gung-ho» окончательно вошел в английский язык в том значении, в котором известен сейчас. Под «культурой гунг-хоу» в данном контексте понимается чрезмерно фанатичное исполнение указаний «старших», которыми в ходе поездки были представители компании «Young Pioneers Tours», предлагавшие, вероятно, в качестве «указания» безудержно выпивать. Это, по мнению автора, и привело к печальным последствиям. – *Примеч. ред.*

продвигаться студентами. Таким образом, на свет появилась фирма «Tongil Tours», получившая свое название от известной магистрали Пхеньяна *Тхониль кору (Tongil kori)* – что значит «Перспект объединения» (*тхониль* переводится как «объединение»).

Необходимо отдать должное Киму, который подсутился и с помощью связей в Министерстве иностранных дел и Министерстве образования добился разрешения организовывать подобные туры. Множество других компаний в прошлом пытались развивать похожие инициативы совместно с КНДР, но ни одна из попыток не увенчалась успехом. До этого случая. Алек, который уже говорил по-корейски на относительно продвинутом уровне, решил сам поучаствовать в первой программе, чтобы посмотреть изнутри, как это будет происходить, и испытать всё на себе. Кроме меня, только один аспирант из Франции подал заявку на участие в программе. Для «Tongil Tours» в этом конкретном случае программа была невыгодна, но Алек это не особенно волновало. Спокойный и серьезный, он производил впечатление человека, ведомого страстным желанием служить своему делу. Может быть, с финансовой точки зрения он проигрывает, но открывает новые пути. Он осуществляет свою идею быть на шаг впереди «Когоу».

«У нас троих разный уровень владения корейским языком, – говорит мне Алек, пока мы ждем в фойе отеля, когда появится наш третий компаньон. – Ты – абсолютно начинающий, а Александр, парень из Франции, как я думаю, уже учил корейский в течение примерно года. Я говорил им, что нам нужны три разных преподавателя, но посмотрим, что получится. Надеюсь, что с этим не будет больших проблем. У меня очень хорошие отношения с нашими партнерами в Пхеньяне. Мы просто друзья».

Наши занятия должны проходить в течение двух часов каждое утро с понедельника по пятницу в Педагогическом институте имени Ким Хёнчжика, расположенном в Восточном Пхеньяне. Институт получил имя отца Ким Ир Сена, который был учителем, и это самое престижное учебное заведение, которое готовит будущих педагогов и на базе которого работает кафедра корейской лингвистики. В послеобеденное время и выходные мы должны выполнять домашние задания и посещать экскурсии.

«А вот и Александр», – кивнул Алек в сторону дверей. Снаружи высокий, рослый человек торопливо доставал чемоданы из багажника такси, а затем легкой походкой, несмотря на проливной дождь, направился ко входу в гостиницу. Алек до этого момента общался с Александром, как и со мной, только по скайпу. Но они сразу узнали друг друга.

«Ребята, – сказал Александр, по очереди пожимая нам руки и используя американские выражения, что было неожиданно, – рад вас видеть». Он прямо-таки излучал любовь к компаниям и такую уверенность в себе, что, хотя ему был всего двадцать один год, казалось, он в два раза старше и уже повидал многое в этой жизни.

Алек держался достаточно сдержанно и даже робко. Поэтому у меня возникла смутная догадка, что он, скорее всего, большую часть своей юности провел за компьютерными играми. Александр же светился радостной открытостью, что так контрастирует со стереотипом о французах, как сложных людях, у которых неизвестно что на уме. Александр был полон энергии. Его коренастая, солидная фигура и красивое лицо только подчеркивали это. Он без ума от путешествий, у него есть лицензия дайвера и он учился в Дубае перед тем, как получить свое нынешнее место в Институте политических исследований в Париже¹⁰. Нужно сказать, что Алек, несмотря на некоторую закрытость, вполне мог расслабиться и стать очень забавным малым. В такие моменты он раскрывал свои тайные и совсем не интеллектуальные увлечения, например, он слушал музыку в стиле «deathmetal», мог громко выкрикивать о своей

---

¹⁰ Институт политических исследований в Париже (Institut d'Études Politiques de Paris (сокращенно SciencesPo)) является главной школой французской политической и дипломатической элиты (примерно как МГИМО в России). Так, все последние президенты Франции являлись выпускниками этого института. – *Примеч. пер.*

любви к северокорейской женской группе «Моранбон»¹¹ или вдруг оказывался тайным любителем марихуаны. Я внезапно осознал, что как минимум на 12 лет старше двух моих нынешних «одноклассников», но это ничего не значит. Мы вышли из гостиницы, чтобы съесть по шашлыку и выпить пива.

Александр вдруг стал очень серьезным и сказал: «Ребята, просто чтоб вы знали, в этой поездке я не буду пить. Я никогда не пью в поездках туда. Извините меня, это просто...»

«Ты боишься, что-то может случиться?» – позволил я себе спросить.

Александр смущенно улыбнулся: «Я знаю себя».

Он знал, что такое КНДР. Он был там четыре раза, так же как и я. Но по сравнению с Алеком мы были просто новичками – у него за плечами был уже десяток поездок. Однако никто из нас даже близко не мог сравниться с Саймоном, который установил рекорд, побывав в Северной Корее сто пятьдесят раз... Вот таким образом те, для кого КНДР является и мечтой, и наваждением, узнают друг друга. Где ты был. Что ты делал. Что еще не видел, но хотел бы посмотреть.

Именно с последним пунктом у нас возникли сложности. Алек заранее прислал нам предполагаемую программу поездки, и почти на всех экскурсиях, указанных в ней, мы трое уже побывали. Возможно ли внести изменения?

Алек уверил нас, что всё можно будет скорректировать завтра, когда мы прибудем на место и обсудим это с товарищами Ким и Мин. Затем мы вернулись в наши номера в гостинице, договорившись встретиться в фойе в девять утра и сесть в одно такси в аэропорт.

---

¹¹ На сегодняшний день группа «Моранбон» является одним из ведущих музыкальных коллективов в КНДР. Первый концерт состоялся 6 июля 2012 года. На нем присутствовал лидер страны Ким Чен Ын. Благодаря яркому исполнительскому мастерству и привлекательному сценическому имиджу этот коллектив по праву снискал себе популярность как в родной стране, так и за ее пределами. – *Примеч. ред.*

Третья глава

Как написал в 1894 году один иностранный путешественник, «Пхеньян расположен в действительно прекрасном месте на правом – или северном – берегу чистой реки Тэдонган, которая в месте паромной переправы имеет ширину около 370 метров. Город стоит на плато волнообразной формы, а городская стена идет параллельно реке на протяжении четырех километров, возвышаясь над уровнем реки у величественных “Водных ворот”, повторяя все ее изгибы, карабкаясь на крутые откосы, вздымаясь на высоту до 120 метров и поворачивая на запад под острым углом на гребне холма, отмеченном одним из нескольких павильонов, а далее идет по западному узкому краю плато, затем круто падая и переходя в плодородную равнину»¹².

На протяжении истории Пхеньян неоднократно переименовывали, вместе с чем менялся и облик города. Пхеньян постоянно оказывался в водовороте военных событий и переживал разные периоды: от поражения до возрождения и обратно. Когда-то город называли «Столицей ив», но из-за разрушительных последствий нескончаемых сражений и быстрой индустриализации ивовых деревьев в городе оставалось совсем мало.

Пхеньян означает «равнина» – весьма подходящее название для территории, расположенной вокруг города и орошаемой мощными водами широкой реки Тэдонган, что делает это место идеальным и для ведения сельского хозяйства, и просто для жизни. Гористая северная часть Корейского полуострова по большей части не слишком благоприятна для жизни, и – на контрасте с такой почти враждебной человеку средой – Пхеньян со своими окрестностями выглядит как островок природной идиллии.

Как гласит официальная история КНДР (и что оспаривается практически во всем остальном мире), корейский народ зародился в том месте, где находится Пхеньян, или, по крайней мере, там, где в настоящее время расположен его северо-западный пригород Кандон, который (какое совпадение!) находится недалеко от нынешней летней резиденции Ким Чен Ына. Здесь, по утверждению северных корейцев, ранее был древний город Асадаль, в котором примерно пять тысяч лет назад король Тангун основал свою столицу.

Ученые-историки со всего мира, но не из КНДР, считают, что королевство Тангуна располагалось там, где сейчас находится северо-восточная китайская провинция Ляонин. Большинство считает, что Тангун – это мифологический персонаж. Согласно преданиям, его мать была медведицей. Ким Ир Сен полагал, что Тангун существовал на самом деле, а исторические доказательства этого были злонамеренно уничтожены японцами во время их жестокой оккупации Корейского полуострова в период с 1910 по 1945 год. Незадолго до собственной кончины в 1994 году, чтобы подтвердить эту свою догадку, Ким Ир Сен приказал организовать археологическую экспедицию, целью которой были поиски могилы Тангуна. Чудесным образом через несколько месяцев северокорейские археологи обнаружили могилу, и – что очень кстати – оказалась она в окрестностях Пхеньяна.

Несмотря на большую пропагандистскую ценность того, что место зарождения корейской цивилизации было обнаружено недалеко от столицы КНДР, проследить дальнейшую хронологию оказалось весьма проблематично. В то время как считается, что королевство Тангуна было основано в 2333 году до нашей эры, историки из КНДР настаивают, что обнаруженные во

---

¹² Данный фрагмент принадлежит перу известной английской путешественницы Изабеллы Бёрд-Бишоп (Isabella Bird (Bishop)), посетившей Корею в конце XIX века. Ее записки до сих пор остаются ценным источником знаний о культуре и истории традиционной Кореи. По всей видимости «Водными воротами» И. Бёрд-Бишоп называет сохранившиеся до наших дней ворота Тэдонмун, отличительной особенностью которых является то, что они располагаются на северном берегу реки Тэдонган и вход через них за городскую стену возможен только для приплывших с противоположного южного берега лодок. Так как в старину большинство официальных гостей прибывало в Пхеньян с юга (в первую очередь из крупных городов: столичного Сеула и Кэсона), то попасть в город можно было только по воде, с чем, вероятно, и столкнулась гостья из Великобритании, впервые приехав в Пхеньян. – *Примеч. ред.*

время раскопок кости датируются как минимум 3000 годами до нашей эры. Если это правда, то Корея входит в число старейших из ныне известных цивилизаций на земле. Маловероятно, что это так, но в КНДР это считается установленным фактом. Во время посещения Центрального музея истории Кореи на площади Ким Ир Сена гид однажды задала вопрос нашей группе: можем ли мы назвать пять самых крупных и значимых древних цивилизаций. Мы стали сбивчиво перечислять Месопотамию, Египет, майя, китайскую империю Хань... Когда, к радости гида, мы так и не смогли закончить этот список, она дала «правильный» ответ: цивилизация реки Тэдонган короля Тангуна. Конечно, кто бы сомневался!

В большинстве признаваемых в научном сообществе исследований отмечается, что до 427 года нашей эры упоминания о Пхеньяне практически не встречаются. В тот год город стал столицей государства Когурё, одного из трех государств на территории Корейского полуострова. Когурё было одним из самых серьезных игроков, боровшихся за господство на этой территории. Именно от названия этого государства, постепенно сократившегося до *Корё*, и образовалось название страны *Корея* во всех языках мира¹³. Следующие 200 лет стали, вполне возможно, временем расцвета Пхеньяна. Город достиг высокого уровня развития и был непобедим для врагов. За обладание этими качествами он впоследствии всегда боролся. Из-за этого северокорейские историки склонны превозносить данный период над другими отрезками долгой истории города, ведь в течение этих веков северная часть Кореи, в особенности Пхеньян, заметно доминировали. (По практически аналогичным причинам в Южной Корее националистически настроенные активисты и ученые особо почитают другое из трех государств полуострова – Силла, столицей которого был Сеул).

Увы, хорошие времена для Пхеньяна длились недолго. Начиная с последних годов XVI века нашей эры Китай совершил несколько набегов на правителей Когурё, находящихся в Пхеньяне. На руку завоевателям была внутренняя раздробленность правящих кругов королевства Когурё и их территориальные споры. Наконец, в 645 году государство Силла, расположенное на юге полуострова, в союзе с китайской династией Тан осадило столицу Когурё, что привело к ее полному разорению. К 688 году город ив превратился в город сорняков.

* * *

После долгого периода нестабильности король Тхэчжо положил начало династии Корё в 918 году. Однако на этот раз город получил другое имя – Согён, что означает «западная столица». Определение «западная» является ключом к пониманию провинциального статуса города в это время; настоящей столицей династии Корё был тогда город Кэсон, расположенный практически на нынешней границе между двумя Кореями.

---

¹³ Это может показаться странным, но привычного для всего мира слова «Корея» или хотя бы отдаленно его напоминающего по звучанию в современном названии этих двух государств на родном языке нет. Причины этого таятся в долгой и запутанной истории государственности этого народа. Государство в северной части Корейского полуострова по-корейски называется **조선민주주의인민공화국** (Чосон Минчжучуи Инмин Конхвагук, Корейская Народно-Демократическая Республика) – сокращенно **조선** (Чосон), а государство в южной части – **대한민국** (Тэхан Мингук, Республика Корея), сокращенно **한국** (Хангук). Причем жители Севера называют жителей Юга, используя свое название страны, поставив перед ним слог со значением «южный» – **남조선** (Нам Чосон, Южный Чосон), а на Юге, естественно, всё наоборот – перед сокращенным до одного слога названием своей страны ставится слог со значением «северный» и получается **북한** (Пук Хан, Северный Хан). – Примеч. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.